

ТЕОРИЯ ДЕМОГРАФИИ И МИГРАЦИОЛОГИИ

DOI [10.19181/demis.2025.5.4.1](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.1)

EDN BYXNPM

РЕПАТРИАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИИ: АНАЛИЗ ОЦЕНКИ ЭКСПЕРТОВ

Воробьева О. Д.

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: 89166130069@mail.ru

Субботин А. А.

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: aasubbotin@yahoo.com

Для цитирования: Воробьева, О. Д. Репатриационный потенциал России: анализ оценки экспертов / О. Д. Воробьева, А. А. Субботин // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 4. С. 8–24. DOI [10.19181/demis.2025.5.4.1](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.1). EDN BYXNPM.

Аннотация. В статье представлены результаты обобщения и анализа мнений специалистов в области миграции, высказанных в ходе экспертного опроса о репатриационном потенциале России. Актуальность исследования определяется демографическими вызовами, связанными с естественной убылью населения и необходимостью восполнения человеческого капитала, в том числе за счет привлечения и возвращения репатриантов. В работе использован новый подход к оценке репатриационного потенциала, основанный на классификации мигрантов по категориям с позиций их потенциального возвращения. Такой подход позволил выявить особенности и различия репатриационных намерений в зависимости от региона проживания, социально-демографических характеристик и культурно-идентификационных факторов. Результаты исследования показывают, что готовность к возвращению формируется под воздействием комплекса взаимосвязанных условий. Независимо от региона, ключевыми модераторами выступают возраст и семейная конфигурация: наибольший потенциал возвращения характерен для молодежи и людей среднего возраста, одиноких и семей без детей. По социально-экономическому статусу наиболее «конвертируемыми» категориями являются наемные работники, учащиеся и лица, активно ищащие работу, тогда как возвращение предпринимателей требует создания специальных условий. Группы, слабо вовлеченные в трудовые и образовательные каналы, характеризуются минимальной готовностью к репатриации. Этнокультурная и языковая близость системно повышает вероятность возвращения во всех региональных контекстах, подтверждая значимость культурной идентичности как фактора, поддерживающего репатриационные установки.

Ключевые слова: репатриационный потенциал, миграционные процессы, миграционный потенциал, миграционная политика, возвращение мигрантов, соотечественники, факторы репатриации, человеческий капитал

Введение

В условиях нарастающих демографических вызовов, связанных с устойчивой естественной убылью населения, сокращением трудоспособных возрастных групп и структурным старением населения, задачи миграционной политики приобретают для России стратегическое значение. В отечественной и зарубежной литературе последних десятилетий все чаще подчеркивается растущая роль репатриации

как одного из действенных инструментов восполнения человеческого капитала, поддержания социально-экономического развития и укрепления национальной идентичности стран исхода [1; 2; 3]. Опыт ряда государств – Израиля, Германии, Южной Кореи, Казахстана – показывает, что целенаправленные программы возвращения репатриантов и этнических групп могут стать эффективным элементом демографической и национальной политики, способствующим не только количественному приросту населения, но и укреплению его качественного состава.

Для России проблематика репатриации имеет особое значение, поскольку тесно связана с многоуровневым и исторически сложившимся пространством русскоговорящего населения за рубежом. Речь идет не только о потомках граждан бывшего СССР и населении постсоветских государств, но и о более широком круге лиц, сохраняющих культурные, этнические и экономические связи с Россией [4]. Вместе с тем, несмотря на устойчивый интерес к данной теме, в научном дискурсе до сих пор отсутствует единое определение и унифицированный аналитический инструментарий для оценки репатриационного потенциала. Само понятие недреко используется в интуитивном смысле – как вероятностная готовность мигрантов вернуться на историческую или гражданскую родину при определенном сочетании социально-экономических и культурных факторов, однако его структура и границы остаются методологически неустойчивыми и требуют дальнейшей систематизации и уточнения.

В этой связи особую исследовательскую ценность приобретают экспертные методы, позволяющие выявить скрытые закономерности и тенденции, интегрировать профессиональные знания специалистов и сопоставить относительную значимость факторов, влияющих на готовность мигрантов к возвращению. Такой подход обеспечивает возможность оценить репатриационный потенциал не только как статистическую категорию, но и как сложный социокультурный феномен, зависящий от институциональных условий, индивидуальных стратегий и степени включенности мигрантов в принимающее общество.

Настоящая статья посвящена анализу мнений экспертов, высказанных в ходе опроса о репатриационном потенциале, с использованием нового подхода к оценке – по категориям мигрантов с позиций их потенциального возвращения, что позволяет сопоставить репатриационные установки в зависимости от региона проживания, социально-демографических характеристик и культурно-идентификационных факторов. Экспертный опрос проведен весной 2025 г. кафедрой демографии Высшей школы современных социальных наук МГУ имени М. В. Ломоносова в рамках проекта, поддержанного Российским научным фондом.

Цель статьи – на основе концептуализации понятия «репатриационный потенциал» и разработанной типологии категорий мигрантов с позиций их потенциальной готовности к возвращению провести систематизацию и анализ экспертных оценок репатриационного потенциала, направленных на выявление групп с наибольшими шансами на репатриацию в Россию. В рамках исследования акцент сделан на сравнении региональных различий, социально-демографических и культурно-идентификационных характеристик мигрантов.

Методология исследования

Исследование выполнено в форме экспертного опроса и проведено кафедрой демографии Высшей школы современных социальных наук МГУ имени М. В. Ломоносова в марте-апреле 2025 г. В опросе приняли участие 30 экспертов из России и зарубежных стран, специализирующихся в области демографии и миграции, социологии, экономики и государственного управления. Отбор респондентов носил целевой (невероятностный) характер: в выборку включались специалисты с подтвержденной профессиональной компетенцией в вопросах миграции и репатриации, а также эксперты, обладающие знанием специфики отдельных стран и регионов, в том числе особенностей миграционных процессов, социальной интеграции и институциональной среды, и значительным практическим и аналитическим опытом. Большинство экспертов имеет более чем десятилетний стаж научной и прикладной работы в данной сфере.

Опрос проводился в онлайн-формате с использованием платформы «Яндекс Формы». Экспертам направлялись персональные приглашения по электронной почте, после чего они заполняли анкету самостоятельно. Формат онлайн-опроса обеспечил широкий географический охват участников и минимизировал влияние интервьюера. Для повышения достоверности результатов анкета содержала встроенную проверку полноты заполнения, а ответы представлялись в обезличенном виде.

Анкета включала как шкальные, так и открытые вопросы, что позволило объединить количественные оценки и качественные комментарии. Шкальные оценки фиксировались по пятибалльной шкале (от 1 – «очень низкий потенциал» до 5 – «очень высокий»), что позволило количественно сравнивать восприятие различных факторов. Открытые ответы использовались для раскрытия аргументов, уточнения мотиваций, барьеров и условий репатриации.

Анализ проводился по следующим основаниям:

- по региональной специализации экспертов, отражающей страны и регионы, в которых они обладают наибольшей профессиональной компетенцией (страны СНГ, Восточная Европа, Западная Европа, США и Канада, Ближний Восток, Юго-Восточная Азия и Латинская Америка);
- по продолжительности проживания за рубежом – «новоселы» (до 3 лет проживания), «краткосрочные» (4–7 лет), «среднесрочные» (8–15 лет), «долгосрочные» (>15 лет);
- по возрастным группам – молодежь (18–35 лет); средний возраст (36–55 лет); старший рабочий возраст (56–72 года); пожилые (72+ лет);
- по семейному положению – одиночки, семьи с детьми, семьи без детей, разведенные и вдовцы;
- по социально-экономическому статусу – наемные работники, самозанятые, предприниматели, учащиеся, рантье;
- по этнокультурной идентичности – этнические русские, русскоговорящие (не этнические русские), лица, не связанные с русской культурой.

Ключевым методологическим принципом стал подход «регион через эксперта», при котором для анализа по каждому региону использовались только ответы тех специалистов, которые указали данный регион как область своей профессиональной компетентности. Это позволило избежать межрегионального

смещения мнений и сделать сравнения содержательно корректными. Реализация подхода включала несколько шагов:

- для каждого региона R в анализ включались только те эксперты, которые указали R в качестве области своей профессиональной компетентности;
- оценки этих экспертов агрегировались исключительно для соответствующего региона, тогда как их ответы по другим территориям не учитывались при расчетах для R.

Обработка данных проводилась методами описательной статистики. Для каждого показателя вычислялись средние значения (M), медианы (M_e), стандартные отклонения (SD) и количество наблюдений (N). Поскольку шкала оценок имеет ординальный характер, для проверки устойчивости результатов средние значения сопоставлялись с медианами, а пропуски исключались поэлементно.

Следует подчеркнуть, что в целом исследование отражает синтез профессиональных оценок, а не индивидуальные установки мигрантов. Такой подход позволил рассмотреть репатриационный потенциал как сложный социально-демографический феномен, а также выявить группы населения, обладающие наибольшей вероятностью возвращения в Россию. Результаты интерпретируются как экспертная оценка тенденций, представляющая собой основу для совершенствования государственной политики в сфере репатриации.

Понятие репатриационного потенциала

В научной литературе, посвященной миграции и демографическим процессам, используются схожие, но не тождественные понятия: «миграционный потенциал», «репатриационные намерения», «возвратная миграция» [2; 5; 6]. Под миграционным потенциалом, как правило, понимается совокупность установок, мотивов и условий, которые могут привести к совершению миграционного акта [7; 8; 9]. Репатриация же представляет собой особый вид миграции, связанный с возвращением на историческую, этническую или гражданскую родину, и требует отдельного теоретического и методологического осмысления [10; 11; 12; 13].

В отечественной научной традиции категория «репатриационный потенциал» пока не имеет устоявшегося определения и единой операционализации. Чаще всего она используется как обобщенное обозначение совокупности возможностей или намерений мигрантов вернуться в страну происхождения, однако ее смысловые границы остаются нечеткими. В связи с этим авторами предложена уточненная концептуализация понятия, позволяющая объединить демографический, правовой и социокультурный аспекты феномена.

Репатриационный потенциал может быть определен как совокупность лиц, постоянно проживающих за пределами страны своего происхождения и идентифицирующих себя с ней по гражданству, происхождению (в том числе как потомки) либо культурно-языковой принадлежности, которые одновременно демонстрируют устойчивое намерение вернуться, обладают необходимыми интеграционными ресурсами, располагают правовыми основаниями для переселения и потенциально могут воспользоваться действующими государственными механизмами переселения.

Такое определение отражает многомерную природу репатриационного потенциала как явления, объединяющего субъективные установки, объективные возможности и институциональные предпосылки для возвращения.

Результаты анализа экспертных оценок

Анализ данных экспертного опроса позволил выявить устойчивые закономерности для оценки репатриационного потенциала различных категорий мигрантов. Эксперты рассматривали феномен репатриации комплексно – через призму региональных различий, социально-демографических характеристик и культурной идентичности мигрантов, что позволило реконструировать целостную картину факторов, определяющих готовность к возвращению в Россию.

Общие региональные тенденции

В соответствии с принципом «регион через эксперта» в анализ по каждому региону включались только ответы тех специалистов, которые обозначили данный регион как область своей профессиональной компетенции. Это позволило минимизировать межрегиональные искажения и сделать результаты более точными и релевантными.

Результаты анализа показывают, что основным источником потенциальных репатриационных потоков остается постсоветское пространство. Это объясняется сохраняющимися тесными культурными, языковыми и социальными связями мигрантов из стран СНГ с Россией, более высокими показателями репатриационного потенциала среди мигрантов, проживающих в этих странах. Средняя интегральная оценка репатриационного потенциала мигрантов из стран СНГ составила 3,2 из 5 ($Me=3$; $SD=0,7$; $N=18$), что значительно выше, чем в других регионах. Для Ближнего Востока средний балл оказался также высоким – 3,3 ($Me=3$; $SD=0,6$; $N=3$), однако малая подвыборка требует осторожной интерпретации. В Восточной Европе показатель составил 2,6 ($Me=3$; $SD=1,1$; $N=5$), в Западной Европе – 2,3 ($Me=2$; $SD=0,5$; $N=4$), в Юго-Восточной Азии – 2,2 ($Me=3$; $SD=1,2$; $N=9$), а в США и Канаде – 2,0 ($Me=2$; $SD=1$; $N=5$). Дополнительно, для Латинской Америки средняя оценка составила 2,0 ($Me=2$; $SD=1$; $N=3$).

Таким образом, при сопоставимом объеме данных именно СНГ сохраняет наивысший совокупный репатриационный потенциал, тогда как в других регионах репатриационный потенциал мигрантов варьируется от средних до сдержанных значений. Эти различия обусловлены различной степенью интеграции мигрантов в социальные и трудовые структуры принимающих стран, а также рядом культурных и исторических факторов. Стоит отметить, что по ряду регионов, таких как Африка и Океания, данные отсутствуют, поскольку среди респондентов не было экспертов с необходимой профессиональной компетенцией по этим территориям. В открытых ответах эксперты отмечают, что миграционные потоки из этих регионов в Россию крайне ограничены, а репатриационные связи носят, как правило, эпизодический характер.

Вместе с тем агрегированные показатели скрывают существенные внутригрупповые различия, проявляющиеся при анализе по социально-демографическим и поведенческим характеристикам мигрантов. Поэтому перейдем к рассмотрению

репатриационного потенциала мигрантов по различным основаниям, которые могут существенно влиять на готовность к возвращению.

1. Продолжительность проживания за рубежом

Продолжительность пребывания мигрантов за границей, по мнению экспертов, существенно влияет на их готовность вернуться в Россию, что подтверждает первоначальную гипотезу. Мигранты, которые недавно покинули страну, сохраняют более сильные социальные, культурные и профессиональные связи с родиной, и это облегчает принятие решения о возвращении. По мере углубления интеграции в принимающее общество эти связи ослабевают, а замещение институтов (рынок труда, образование детей, жилищные и кредитные обязательства, медицинское обслуживание) повышает «стоимость» возврата. В результате долгосрочные мигранты, проживающие за рубежом более 15 лет, практически во всех регионах демонстрируют заметно меньшую склонность к возвращению по сравнению с «новоселами» и «краткосрочными» мигрантами.

Табл. 1 отражает экспертные оценки репатриационного потенциала мигрантов по продолжительности проживания за рубежом в разрезе регионов. Из нее видно, что уровень готовности к возвращению существенно варьирует в зависимости не только от региона проживания, но и от срока пребывания за рубежом.

Таблица 1
Репатриационный потенциал по продолжительности проживания за рубежом и регионам, метод «регион через эксперта»

Table 1

Repatriation potential by duration of residence abroad and regions, “region through expert” method

Регион	Новосели (до 3 лет)	Краткосрочные (4–7 лет)	Среднесрочные (8–15 лет)	Долгосрочные (>15 лет)
Страны СНГ (N=18)	3,3 (Me=3,5, SD=1,6)	2,8 (Me=3,0, SD=1,0)	2,0 (Me=2,0, SD=1,0)	2,3 (Me=2,0, SD=1,5)
Восточная Европа (N=5)	3,4 (Me=4,0, SD=1,8)	2,6 (Me=2,0, SD=1,3)	1,8 (Me=1,0, SD=1,1)	1,4 (Me=1,0, SD=0,5)
Западная Европа (N=4)	3,3 (Me=4,0, SD=1,5)	2,8 (Me=3,0, SD=1,5)	1,8 (Me=1,5, SD=1,0)	1,3 (Me=1,0, SD=0,5)
США и Канада (N=5)	4,2 (Me=4,0, SD=0,4)	3,2 (Me=3,0, SD=0,8)	2,0 (Me=2,0, SD=0,7)	1,0 (Me=1,0, SD=0)
Ближний Восток (N=3)	2,7 (Me=2,0, SD=2,1)	3,3 (Me=4,0, SD=1,2)	3,0 (Me=3,0, SD=0)	3,0 (Me=3,0, SD=1,0)
Юго-Восточная Азия (N=9)	3,3 (Me=4,0, SD=1,4)	3,4 (Me=4,0, SD=1,5)	2,1 (Me=1,0, SD=1,5)	2,0 (Me=1,0, SD=1,6)
Латинская Америка (N=3)	3,3 (Me=4,0, SD=1,2)	3,7 (Me=4,0, SD=1,5)	2,7 (Me=3,0, SD=1,5)	1,3 (Me=1,0, SD=0,6)

Источник: экспертный опрос кафедры демографии ВШССН МГУ, март-апрель 2025 г.; расчеты по каждому региону выполнены на основе ответов экспертов, указавших данный регион своей областью компетентности

Примечание: значения – это средние оценки по шкале 1–5 (где 1 – «очень низкий репатриационный потенциал», 5 – «очень высокий репатриационный потенциал»); в скобках указаны медиана (Me), стандартное отклонение (SD) и число экспертов (N)

Полученные количественные оценки наглядно иллюстрируют описанную динамику, которая, однако, имеет важные региональные исключения. Так, в США, Канаде и странах Западной Европы наблюдается наиболее резкое снижение репатриационного потенциала – от высоких значений у новоселов до критически низких у долгосрочных мигрантов. Тренду также следуют Восточная Европа и Латинская Америка. В отличие от них, картина в странах СНГ хотя и демонстрирует спад,

но итоговый потенциал долгосрочных мигрантов (2,3) остается существенно выше, чем в западных странах, что подтверждает роль сохраняющихся тесных связей. Еще более яркими исключениями являются Ближний Восток и Юго-Восточная Азия. На Ближнем Востоке потенциал, наоборот, изначально невысок и не снижается со временем, а в Юго-Восточной Азии показатель у долгосрочных мигрантов (2,0) сопоставим со странами СНГ. Специфика этих принимающих регионов, вероятно, связанная с их социально-экономическим укладом и изначальными причинами миграции, может формировать устойчивую ориентацию на жизнь за рубежом, которая не ослабевает со временем.

Таким образом, данные подчеркивают, что репатриационная политика должна учитывать как длительность пребывания мигрантов за рубежом, так и их региональную принадлежность.

2. Возрастные группы

Возраст мигрантов добавляет к разрезу продолжительности проживания за рубежом важное измерение (так называемый «стажевой» разрез – длительность пребывания мигранта за границей). Мигранты более молодой и средней возрастной группы (18–35 лет и 36–55 лет) показывают более высокий репатриационный потенциал, что связано с их мобильностью, склонностью к «переупаковке» компетенций и желанием смены места жительства. В отличие от них, для старших возрастных групп (56–72 года и 72+ лет) «стоимость» перемещения оказывается выше, поскольку такие мигранты уже имеют значительные профессиональные достижения и накопленные обязательства, а, кроме того, сильно привязаны к социальной инфраструктуре страны пребывания. Этот процесс подтверждается данными из табл. 2, которая показывает средние оценки репатриационного потенциала для разных возрастных групп с учетом регионального фильтра.

Таблица 2
Репатриационный потенциал по возрастным группам и регионам,
метод «регион через эксперта»

Table 2

Repatriation potential by age groups and regions, “region through expert” method

Регион	18–35 лет	36–55 лет	56–72 лет	72+ лет
Страны СНГ (N=18)	3,1 (Me=3,0, SD=1,5)	3,1 (Me=3,0, SD=0,9)	2,0 (Me=2,0, SD=1,1)	1,7 (Me=1,0, SD=1,2)
Восточная Европа (N=5)	2,4 (Me=2,0, SD=1,7)	2,8 (Me=3,0, SD=0,8)	1,8 (Me=2,0, SD=0,8)	1,6 (Me=1,0, SD=0,9)
Западная Европа (N=4)	2,3 (Me=2,0, SD=1,5)	2,8 (Me=3,0, SD=0,5)	2,0 (Me=2,0, SD=0,8)	1,5 (Me=1,0, SD=1,0)
США и Канада (N=5)	3,6 (Me=4,0, SD=1,5)	3,2 (Me=3,0, SD=0,4)	2,2 (Me=2,0, SD=0,4)	1,4 (Me=1,0, SD=0,9)
Ближний Восток (N=3)	3,0 (Me=3,0, SD=2,0)	4,7 (Me=5,0, SD=0,6)	4,0 (Me=4,0, SD=1,0)	3,7 (Me=3,0, SD=1,2)
Юго-Восточная Азия (N=9)	2,6 (Me=1,0, SD=1,9)	3,3 (Me=3,0, SD=1,1)	2,2 (Me=2,0, SD=1,0)	2,1 (Me=2,0, SD=1,4)
Латинская Америка (N=3)	3,3 (Me=4,0, SD=2,1)	2,7 (Me=3,0, SD=0,6)	2,0 (Me=2,0, SD=1,0)	3,3 (Me=3,0, SD=0,6)

Источник: экспертный опрос кафедры демографии ВШССН МГУ, март-апрель 2025 г.; расчеты по каждому региону выполнены на основе ответов экспертов, указавших данный регион своей областью компетентности

Примечание: значения – это средние оценки по шкале 1–5 (где 1 – «очень низкий репатриационный потенциал», 5 – «очень высокий репатриационный потенциал»); в скобках указаны медиана (Me), стандартное отклонение (SD) и число экспертов (N)

Результаты показывают, что молодые мигранты (18–35 лет) и мигранты среднего возраста (36–55 лет) в целом демонстрируют более высокий репатриационный потенциал, чем пожилые мигранты (56–72 лет и 72+ лет). Например, в СНГ и США/Канаде для мигрантов из группы 18–35 лет показатели репатриационного потенциала составляют 3,1 и 3,6 соответственно, что соответствует высокому потенциальному. Этот тренд подтверждается в других регионах, к примеру, в Юго-Восточной Азии, где мигранты из возрастной группы 18–35 лет имеют 2,6, а для возрастной группы 36–55 лет – 3,3. Это подтверждает гипотезу, что молодежь более склонна к возвращению.

В то же время с увеличением возраста репатриационный потенциал мигрантов снижается. Для возрастной группы 56–72 года в СНГ репатриационный потенциал составляет 2,0, а для старших мигрантов (72+ лет) – 1,7, что указывает на низкий репатриационный потенциал в этих возрастных группах. Снижение потенциала также наблюдается в Восточной Европе, Западной Европе и других регионах, где для мигрантов возрастных групп 56–72 лет и старше показатель репатриационного потенциала остается низким.

Сопоставление возрастных и стажевых категорий указывает на то, что в регионах с высоким репатриационным потенциалом для новоселов и краткосрочных мигрантов, как правило, высокие оценки и для возрастной группы 18–35 лет. В то время как старшие мигранты в этих регионах, равно как и в других, демонстрируют тенденцию к снижению репатриационного потенциала, что связано с профессиональными обязательствами, необходимостью адаптации к новому месту проживания и весьма крупными затратами на перемещение.

3. Семейное положение

Семейное положение мигрантов оказывает значительное влияние на их репатриационный потенциал, поскольку добавляет дополнительные факторы, усложняющие процесс возвращения, который уже зависит от возраста и продолжительности пребывания за рубежом. Наличие детей, требования, связанные с их образованием, потребности в жилье, инфраструктуре и повышенные расходы на адаптацию значительно увеличивают «стоимость» репатриации. В большинстве регионов одиночки и пары без детей показывают более высокий репатриационный потенциал, чем семьи с детьми, но существуют исключения, связанные с локальными рынками труда и условиями для семей с детьми в разных странах.

В табл. 3 приведены средние оценки репатриационного потенциала по семейному положению.

Семейное положение оказывает значительное влияние на репатриационный потенциал. Одиночки и пары без детей демонстрируют более высокий потенциал для возвращения, поскольку их перемещение связано с меньшими затратами на жилье, образование и другие социальные услуги. В то же время семьи с детьми сталкиваются с наибольшими издержками на адаптацию, что снижает их репатриационный потенциал. Исключения могут быть связаны с благоприятными условиями для семей в определенных регионах, как это наблюдается в Ближнем Востоке, где для семей с детьми репатриационный потенциал оказывается высоким.

Таблица 3

**Репатриационный потенциал по семейному положению и регионам,
метод «регион через эксперта»**

Table 3

Repatriation potential by family status and region, “region through expert” method

Регион	Одиночки	Семейные (с детьми)	Семейные (без детей)	Одинокие (разве- денные / вдовцы)
Страны СНГ (N=18)	3,3 (Me=3,0, SD=1,3)	2,9 (Me=3,0, SD=1,1)	3,1 (Me=3,0, SD=1,1)	2,8 (Me=3,0, SD=1,3)
Восточная Европа (N=5)	2,8 (Me=3,0, SD=1,5)	2,2 (Me=3,0, SD=1,1)	2,6 (Me=2,0, SD=1,5)	2,4 (Me=2,0, SD=1,7)
Западная Европа (N=4)	2,3 (Me=2,5, SD=1,0)	3,0 (Me=3,5, SD=1,4)	1,8 (Me=1,5, SD=1,0)	2,0 (Me=2,0, SD=1,2)
США и Канада (N=5)	3,2 (Me=3,0, SD=0,4)	2,2 (Me=2,0, SD=1,1)	2,4 (Me=3,0, SD=0,9)	2,0 (Me=2,0, SD=0,7)
Ближний Восток (N=3)	3,0 (Me=2,0, SD=1,7)	4,0 (Me=4,0, SD=0)	3,3 (Me=3,0, SD=1,5)	3,0 (Me=2,0, SD=1,7)
Юго-Восточная Азия (N=9)	3,1 (Me=3,0, SD=1,4)	2,7 (Me=3,0, SD=0,9)	2,4 (Me=2,0, SD=1,4)	2,7 (Me=3,0, SD=1,3)
Латинская Америка (N=3)	2,7 (Me=3,0, SD=0,6)	2,3 (Me=1,0, SD=2,3)	2,7 (Me=2,0, SD=1,2)	2,0 (Me=2,0, SD=1,0)

Источник: экспертный опрос кафедры демографии ВШССН МГУ, март-апрель 2025 г.; расчеты по каждому региону выполнены на основе ответов экспертов, указавших данный регион своей областью компетентности

Примечание: значения – это средние оценки по шкале 1–5 (где 1 – «очень низкий репатриационный потенциал», 5 – «очень высокий репатриационный потенциал»); в скобках указаны медиана (Me), стандартное отклонение (SD) и число экспертов (N)

4. Социально-экономический статус

Положение на рынке труда играет ключевую роль в репатриационном потенциале мигрантов, служа своего рода «операциональным мостом» для их возвращения в Россию. Наличие стабильного канала занятости в стране (и признания квалификаций) ощутимо повышает готовность к репатриации, даже если перемещение связано с довольно значительными затратами, такими как расходы на жилье или адаптацию. Прямое влияние социально-экономического статуса на репатриацию хорошо видно из экспертных оценок, представленных в табл. 4.

Существенно на репатриационный потенциал мигрантов влияет их положение на рынке труда. Мигранты, находящиеся в категории наемных работников, имеют высокий потенциал возвращения, поскольку возможность найти работу и адаптироваться к новому рынку труда в России является одним из решающих факторов. Например, в СНГ для наемных работников средняя оценка репатриационного потенциала составила 3,1, что свидетельствует о достаточно высоком потенциале для возвращения, особенно в случае стабилизации ситуации на рынке труда.

В то же время самозанятые и предприниматели обычно демонстрируют умеренный репатриационный потенциал, что связано с необходимостью адаптироваться к новым условиям ведения бизнеса и правовым рамкам в Российской Федерации. В Содружестве Независимых Государств для самозанятых репатриационный потенциал составил 2,6, а для предпринимателей – 2,4.

Для рантье (людей, получающих пассивный доход) репатриационный потенциал зачастую низкий, поскольку их финансовая независимость снижает потребность в возвращении. В СНГ для рантье репатриационный потенциал составил 2,0, что подтверждает гипотезу о низком потенциале для возвращения среди этой группы.

Таблица 4

**Репатриационный потенциал по социально-экономическому статусу и регионам,
метод «регион через эксперта»**

Table 4

**Repatriation potential by socio-economic status and region, “region through expert”
method**

Регион	Наемные	Самозаня- тые	Предприни- матели	Рантье	Учащиеся	Иждивенцы	Ищут работу	Не ищут работу
Страны СНГ (N=18)	3,1 (Me=3,0, SD=1,1)	2,6 (Me=2,0, SD=1,1)	2,4 (Me=2,5, SD=1,2)	2,0 (Me=2,0, SD=1,2)	3,2 (Me=3,0, SD=1,2)	1,9 (Me=2,0, SD=0,8)	3,2 (Me=3,5, SD=1,2)	2,1 (Me=2,0, SD=1,1)
Восточная Европа (N=5)	2,6 (Me=3,0, SD=0,9)	2,8 (Me=2,0, SD=1,6)	2,6 (Me=2,0, SD=1,3)	2,8 (Me=3,0, SD=1,5)	2,6 (Me=3,0, SD=1,1)	2,0 (Me=2,0, SD=0,7)	2,4 (Me=2,0, SD=1,1)	2,0 (Me=2,0, SD=1,2)
Западная Европа (N=4)	2,5 (Me=3,0, SD=1,0)	2,0 (Me=2,0, SD=0,8)	2,0 (Me=2,0, SD=0,8)	2,0 (Me=2,0, SD=0,8)	2,5 (Me=2,5, SD=1,3)	2,8 (Me=2,5, SD=1,0)	3,5 (Me=3,5, SD=0,6)	2,8 (Me=3,0, SD=1,3)
США и Канада (N=5)	4,2 (Me=5,0, SD=1,1)	3,4 (Me=4,0, SD=1,3)	3,8 (Me=4,0, SD=1,3)	3,2 (Me=3,0, SD=1,3)	3,4 (Me=3,0, SD=1,1)	3,0 (Me=3,0, SD=0,7)	4,2 (Me=4,0, SD=0,8)	3,0 (Me=3,0, SD=1,0)
Ближний Восток (N=3)	3,7 (Me=4,0, SD=1,5)	3,7 (Me=4,0, SD=1,5)	4,3 (Me=4,0, SD=0,6)	3,0 (Me=4,0, SD=1,7)	3,7 (Me=3,0, SD=1,1)	3,0 (Me=3,0, SD=1,0)	3,7 (Me=4,0, SD=1,5)	4,0 (Me=4,0, SD=1,0)
Юго-Восточ- ная Азия (N=9)	3,6 (Me=4,0, SD=1,2)	3,1 (Me=2,0, SD=1,6)	3,2 (Me=3,0, SD=1,3)	2,6 (Me=2,0, SD=1,5)	2,9 (Me=2,0, SD=1,7)	3,0 (Me=3,0, SD=1,6)	3,9 (Me=4,0, SD=1,1)	3,0 (Me=3,0, SD=1,5)
Латинская Америка (N=3)	4,0 (Me=4,0, SD=1,0)	3,7 (Me=4,0, SD=1,5)	3,7 (Me=4,0, SD=1,5)	4,3 (Me=5,0, SD=1,2)	3,3 (Me=4,0, SD=1,2)	2,7 (Me=2,0, SD=1,2)	4,3 (Me=4,0, SD=0,6)	4,0 (Me=4,0, SD=1,0)

Источник: экспертный опрос кафедры демографии ВШССН МГУ, март-апрель 2025 г.; расчеты по каждому региону выполнены на основе ответов экспертов, указавших данный регион своей областью компетентности

Примечание: значения – это средние оценки по шкале 1–5 (где 1 – «очень низкий репатриационный потенциал», 5 – «очень высокий репатриационный потенциал»); в скобках указаны медиана (Me), стандартное отклонение (SD) и число экспертов (N)

Учащиеся и безработные мигранты, особенно те, кто активно ищут работу, демонстрируют высокий потенциал репатриации. К примеру, в США и Канаде для учащихся репатриационный потенциал составил 3,4, а для безработных, ищущих работу – 4,2, что говорит о высокой вероятности возвращения для этих групп, особенно в случае, если они смогут найти работу в России.

Безработные, не ищащие работу, имеют низкий потенциал для возвращения, так как они не заинтересованы в поиске стабильного дохода или не видят для себя возможностей для трудоустройства в России. В СНГ для не ищущих работу репатриационный потенциал был оценен на уровне 2,1.

Важную роль в формировании репатриационного потенциала мигрантов играет их социально-экономический статус. Мигранты, занятые в стабильных трудовых категориях (наемные работники, учащиеся и безработные, активно ищащие работу), имеют высокий потенциал возвращения, так как их профессиональные и образовательные траектории позволяют легко адаптироваться к российскому рынку труда. В то время как предприниматели, самозанятые и рантье характеризуются более низкими шансами на репатриацию вследствие экономических и правовых трудностей, связанных с ведением бизнеса в России.

5. Этнокультурная идентичность

Этнокультурная идентичность выступает одним из наиболее устойчивых факторов, определяющих различия в репатриационном потенциале. Даже при равных

других характеристиках – стаже проживания за рубежом, возрасте или социально-экономическом статусе – культурно-языковая близость к России заметно повышает вероятность возвращения. Владение русским языком, понимание культурных норм, традиций и социальных кодов снижает барьеры реинтеграции и делает процесс возвращения более предсказуемым и комфортным.

Табл. 5 отражает оценки репатриационного потенциала мигрантов в зависимости от их этнокультурной идентичности в разрезе регионов.

Таблица 5
Репатриационный потенциал по этнокультурной идентичности и регионам,
метод «регион через эксперта»

Table 5

Repatriation potential based on ethnocultural identity and regions, “region through expert” method

Регион	Этнические русские	Русскоговорящие (не этнические русские)	Не связаны с русской культурой
Страны СНГ (N=18)	3,7 (Me=4,0, SD=1,1)	2,8 (Me=3,0, SD=1,2)	1,6 (Me=1,5, SD=0,7)
Восточная Европа (N=5)	3,4 (Me=4,0, SD=1,5)	2,4 (Me=2,0, SD=1,1)	1,2 (Me=1,0, SD=0,4)
Западная Европа (N=4)	3,0 (Me=3,5, SD=1,4)	2,5 (Me=2,0, SD=1,0)	1,5 (Me=1,0, SD=1,0)
США и Канада (N=5)	4,2 (Me=4,0, SD=0,4)	3,2 (Me=3,0, SD=0,8)	1,0 (Me=1,0, SD=0)
Ближний Восток (N=3)	3,7 (Me=4,0, SD=1,5)	3,0 (Me=3,0, SD=1,0)	1,7 (Me=2,0, SD=0,6)
Юго-Восточная Азия (N=9)	4,0 (Me=4,0, SD=1,2)	2,9 (Me=2,0, SD=1,2)	2,7 (Me=3,0, SD=1,4)
Латинская Америка (N=3)	3,3 (Me=4,0, SD=2,1)	3,3 (Me=3,0, SD=1,5)	2,7 (Me=2,0, SD=2,1)

Источник: экспертный опрос кафедры демографии ВШССН МГУ, март-апрель 2025 г.; расчеты по каждому региону выполнены на основе ответов экспертов, указавших данный регион своей областью компетентности

Примечание: значения – это средние оценки по шкале 1–5 (где 1 – «очень низкий репатриационный потенциал», 5 – «очень высокий репатриационный потенциал»); в скобках указаны медиана (Me), стандартное отклонение (SD) и число экспертов (N)

Результаты анализа демонстрируют ожидаемую закономерность: чем выше степень этнокультурной близости к России, тем выше репатриационный потенциал.

Во всех регионах этнические русские демонстрируют высокие или очень высокие оценки готовности к возвращению (в диапазоне от 3,0 до 4,2 балла). Особенно заметен этот эффект в США и Канаде (4,2) и Юго-Восточной Азии (4,0), где этническая идентичность компенсирует даже значительное территориальное и институциональное расстояние от России. В странах СНГ, где связи исторически и культурно глубже, потенциал также остается устойчиво высоким (3,7), что подтверждает важность языковой и культурной среды в сохранении связи с родиной.

Для категории русскоговорящих, не являющихся этническими русскими, значения в большинстве случаев варьируются в диапазоне 2,5–3,3, то есть соответствуют среднему уровню потенциала. Это указывает на наличие культурного капитала, но меньшую степень символической и идентификационной привязанности к России.

Наиболее низкие показатели наблюдаются среди тех, кто не связан с русской культурой. В большинстве регионов они оцениваются экспертами как очень низкие

(в диапазоне 1,0–1,7), что говорит о слабом интересе к возвращению и высокой вероятности долгосрочной интеграции в принимающих странах. Исключением частично выступают регионы с традиционно открытыми культурными системами – например, Юго-Восточная Азия и Латинская Америка, где даже среди несвязанных с Россией мигрантов фиксируются немного более высокие значения (2,7), что может отражать мягкие формы симпатии к России или наличие смешанных семейных связей.

Таким образом, этнокультурная идентичность остается одним из наиболее стабильных и сильных факторов, влияющих на репатриационный потенциал. Она формирует не только эмоционально-мотивационную базу, но и практические преимущества – знание языка, понимание норм, доверие к социальным институтам, что облегчает возвращение и повышает вероятность успешной реинтеграции.

Синтетическая связка результатов

Проведенный анализ позволяет рассматривать репатриационный потенциал не как простую сумму демографических и социальных признаков, а как результат динамического баланса между факторами удержания в стране проживания и факторами притяжения со стороны исторической родины. С одной стороны, действуют факторы удержания: чем дольше срок проживания за рубежом, прочнее трудовые позиции и «сложнее» семейная конфигурация, тем выше издержки смены жизненной траектории. С другой – этим силам противостоит ключевой фактор притяжения – этнокультурная и языковая близость, которая системно снижает неопределенность реинтеграции. Именно региональные контексты определяют конфигурацию этого баланса: в странах СНГ культурная близость поддерживает возможность возвращения в течение длительного времени, сохраняя потенциал даже для долгосрочных мигрантов, тогда как в Западной Европе или Северной Америке раннее включение в высокостабильные социально-экономические системы приводит к быстрому закреплению мигрантов, оставляя шанс на возвращение в основном у новоселов.

Оценки репатриационного потенциала на горизонтах 3 и 5 лет

В данном подразделе суммированы ожидания экспертов относительно динамики репатриационного потенциала в ближайшие 3 года и на пятилетнем горизонте. Использовалась пятибалльная шкала (1 – «очень низкие перспективы», 5 – «очень высокие перспективы»). В среднем трехлетний горизонт оцениваетсядержанно: средний балл составил 2,2 ($Мe=2,0$, $SD=0,8$), причем 63% экспертов дали оценки «2 и ниже», и лишь 3% – «4 и выше». На пятилетнем горизонте наблюдается разворот к осторожному оптимизму: средний балл равен 3,1 ($Мe=3,0$, $SD=1,1$), 80% оценок – «3 и выше», а каждый третий эксперт (33%) дал оценку «4–5».

Это свидетельствует о формировании базового консенсуса: рост репатриационной активности ожидается умеренным в среднесрочной перспективе (5 лет), тогда как в краткосрочной (3 года) он оценивается как незначительный. Это объясняется тем, что в первые годы пребывания за рубежом попытки интегрироваться в новое общество обычно преобладают над желанием возвращения.

При этом у экспертов, специализирующихся на разных регионах, темпы роста ожиданий существенно различаются (см. табл. 6).

Таблица 6

**Репатриационный потенциал через 3 и 5 лет по регионам,
метод «регион через эксперта»**

Table 6

Repatriation potential in 3 and 5 years by region, “region through expert” method

Регион	Потенциал в ближайшие 3 года	Потенциал в ближайшие 5 лет
Страны СНГ (N=18)	1,8 (Me=2,0, SD=0,8)	2,7 (Me=3,0, SD=1,1)
Восточная Европа (N=5)	1,4 (Me=1,0, SD=0,5)	2,4 (Me=3,0, SD=1,3)
Западная Европа (N=4)	1,8 (Me=2,0, SD=0,5)	2,5 (Me=3,0, SD=1,0)
США и Канада (N=5)	2,4 (Me=2,0, SD=0,5)	3,6 (Me=3,0, SD=0,9)
Ближний Восток (N=3)	3,0 (Me=3,0, SD=0)	3,7 (Me=4,0, SD=0,6)
Юго-Восточная Азия (N=9)	2,4 (Me=2,0, SD=0,9)	3,2 (Me=3,0, SD=1,1)
Латинская Америка (N=3)	2,3 (Me=2,0, SD=0,6)	3,3 (Me=3,0, SD=0,6)

Источник: экспертный опрос кафедры демографии ВШССН МГУ, март-апрель 2025 г.; расчеты по каждому региону выполнены на основе ответов экспертов, указавших данный регион своей областью компетентности

Примечание: значения – это средние оценки по шкале 1–5 (где 1 – «очень низкий репатриационный потенциал», 5 – «очень высокий репатриационный потенциал»); в скобках указаны медиана (Me), стандартное отклонение (SD) и число экспертов (N)

Так, например, для Ближнего Востока характерны наиболее высокие и стабильно растущие оценки, что может быть связано с особенностями трудовой миграции в этот регион, не предполагающей долгосрочной интеграции. В то же время, для США и Канады отмечается один из самых значительных скачков оптимизма от 3-х к 5-летнему горизонту, что, вероятно, отражает гипотезу экспертов о накоплении «миграционной усталости» и ностальгических настроений у русскоязычной диаспоры со временем.

Открытые ответы экспертов дополняют и конкретизируют эти количественные оценки. В краткосрочном горизонте преобладают сдерживающие аргументы, объясняющие невысокий средний балл. Часть экспертов прямо указывает на высокую стоимость и сложность «обратной» интеграции, включая экономические и межкультурные барьеры, а также на внешние geopolитические риски.

На этом фоне оптимизм в оценках на 5-летний горизонт выглядит условным – он опирается на ожидание определенных реформ и целевых мер, которые, по мнению экспертов, способны раскрыть существующий потенциал. В числе таких «опорных» мер регулярно упоминаются:

- административные (упрощение и цифровизация процедур; «решительное устранение всех бюрократических и коррупционных барьеров»);
- социально-экономические (создание карьерных «мостов» и программ жилищной поддержки);
- образовательные (создание привлекательных образовательных траекторий; «получение образования в российских вузах – гражданство РФ»);
- институциональные (адаптация успешного международного опыта; например, программ репатриации в Израиле, Германии, Южной Корее).

Эти предложения формируют практический механизм, объясняющий, почему пятилетний горизонт закономерно оценивается выше. Программы поддержки требуют времени на разработку, запуск и – что наиболее важно – на накопление

доверия у целевых групп мигрантов. Именно на пятилетнем горизонте совокупный эффект от таких мер становится статистически заметным.

В совокупности перспективные оценки складываются в прозрачную логику. Ближайшие 3 года – это период точечного возвращения самых мобильных групп (молодежь, учащиеся, одинокие специалисты), прежде всего из тех регионов, где степень их интеграции еще невелика. Пятилетний горизонт – это окно возможностей, в течение которого, при условии целенаправленной политики, к возвращению могут начать склоняться более «сложные» категории (часть семей с детьми, квалифицированные специалисты среднего возраста). Именно поэтому у подавляющего большинства экспертов (77%) пятилетняя перспектива оценивается выше трехлетней. Таким образом, растущий «градиент оптимизма» от 3 к 5 годам является агрегированным эффектом, объединяющим влияние структурных факторов (стаж, возраст, семья) и потенциал целенаправленных управленческих решений.

Отдельного внимания заслуживает категория семей с детьми из стран постсоветского пространства. Исторически именно эта группа обладала высоким потенциалом репатриации, поскольку ключевым миграционным мотивом в 1990-х гг. была забота о будущем детей. Этот глубинный мотив, связанный с образованием, безопасностью и культурной идентичностью, продолжает действовать. В современных условиях он может удерживать от возвращения семьи из стран с высокой социальной стабильностью, но, в то же время, выступать мощным «выталкивающим» фактором для семей из менее безопасных государств. Это исторически обусловленное влияние фактора детей не противоречит выявленной в исследовании общей закономерности, согласно которой семьи с детьми сталкиваются с высокими издержками переезда, а лишь подчеркивает сложность и многомерность репатриационных решений для данной категории.

Заключение

На основе проведенного экспертного анализа можно сделать следующие выводы. Репатриационный потенциал России представляет собой сложный, многомерный феномен, структура которого определяется динамическим взаимодействием пяти ключевых измерений: продолжительности проживания за рубежом, возраста, семейного положения, социально-экономического статуса и этнокультурной идентичности. Доказано, что наибольшей готовностью к возвращению обладают мигранты, недавно покинувшие страну, представители молодых и средних возрастных групп, одинокие лица и семьи без детей, а также наемные работники, учащиеся и безработные, активно ищащие работу. Наиболее устойчивым фактором, системно повышающим вероятность репатриации во всех региональных контекстах, является этнокультурная и языковая близость к России.

Региональный анализ выявил значительную дифференциацию потенциала. Страны СНГ остаются его основным источником благодаря сохраняющимся тесным историческим, культурным и социальным связям, которые создают «длинный» канал возврата, то есть сохраняют возможность репатриации даже для тех, кто прожил за рубежом много лет. В то же время, в таких регионах, как Западная Европа и Северная Америка, наблюдается эффект быстрого «закрепления» мигрантов

в принимающем обществе, что приводит к резкому снижению репатриационного потенциала уже в среднесрочной перспективе.

Прогнозные оценки экспертов указывают на сдержанные перспективы в краткосрочном (3 года) и умеренно-оптимистичные – в среднесрочном (5 лет) горизонтах. Этот «градиент оптимизма» напрямую связан с ожиданиями экспертов в отношении реализации целенаправленной государственной политики. Для активизации репатриационного потенциала необходимы системные меры, включающие упрощение административных процедур, создание программ жилищной и трудовой адаптации, образовательные траектории и адаптацию успешного международного опыта.

Таким образом, эффективная репатриационная политика должна быть сегментированной и адресной, фокусируясь на целевых группах с наибольшим потенциалом возвращения и учитывая специфику их регионального положения и структурных характеристик. Последовательная реализация таких мер позволит трансформировать репатриационный потенциал из теоретической категории в реальный инструмент восполнения человеческого капитала и демографического развития России.

Список литературы

1. Cohen, R. Global Diasporas: An Introduction. London : Routledge, 2008. 240 p. ISBN 978-0-20392-894-3. DOI [10.4324/9780203928943](https://doi.org/10.4324/9780203928943).
2. Constant, A. F. Diaspora Economics: New Perspectives / A. F. Constant, K. F. Zimmermann // International Journal of Manpower. 2016. Vol. 37, No. 7. Pp. 1-28. DOI [10.2139/ssrn.2830927](https://doi.org/10.2139/ssrn.2830927).
3. Гришанова, А. Г. Миграционный потенциал: теоретические аспекты / А. Г. Гришанова, Н. И. Кожевникова // Народонаселение. 2016. № 1–1 (71–1). 2016. С. 42–51. EDN [VWEUGB](#).
4. Vorobieva, O. D. Main Approaches to Assessing the Scale of Settlement of Russian-Speaking Population Abroad / O. D. Vorobieva, A. A. Subbotin, S. N. Mishchuk // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2024. Vol. 17, No. 5. Pp. 219–231. DOI [10.15838/esc.2024.5.95.12](https://doi.org/10.15838/esc.2024.5.95.12). EDN [DBOJHR](#).
5. Cassarino, J.-P. Theorising Return Migration: A Revisited Conceptual Approach to Return Migrants // Journal on Multicultural Societies. 2004. Vol. 6, No. 2. Pp. 253–279.
6. Зайончковская, Ж.А. Россия: миграция в разном масштабе времени. Москва : Адамантъ, 1999. 68 с. EDN [WJHHVD](#).
7. Гришанова, А.Г. Миграционный потенциал России в новом зарубежье / А. Г. Гришанова, Н. И. Кожевникова, Л. Л Рыбаковский. Москва : Экон-Информ, 2016. 183 с. ISBN 978-5-9908933-4-4.
8. Рыбаковский, Л. Л. Критерии формирования миграционного потенциала / Л. Л. Рыбаковский, В. И. Савинков, Н. И. Кожевникова // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2016. № 3. С. 33–37. EDN [WKXYTL](#).
9. Рыбаковский, Л. Л. Россия и новое зарубежье: миграционный обмен и его влияние на демографическую динамику. Москва : Ин-т соц.-полит. исслед. Рос. акад. наук, 1996. 55 с.
10. Ионцев, В. А. Международная миграция населения: теория и история изучения. Москва : Диалог-МГУ, 1999. 317 с.
11. Вишневский, А. Г. Распад СССР: этнические миграции и проблема диаспор // Общественные науки и современность. 2000. № 3. С. 115–130.
12. Рязанцев, С. В. Возвратная миграция соотечественников в Россию: существует ли миграционный потенциал? / С. В. Рязанцев, Е. Е. Письменная, М. Н. Храмова // Народонаселение. 2015. № 2 (68). С. 64–73. EDN [TZFRPN](#).
13. Субботин, А. А. Подходы к оценке миграционного потенциала России // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 1. С. 176–192. DOI [10.19181/demis.2025.5.1.11](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.11). EDN [EOVSPF](#).

Сведения об авторах

Воробьева Ольга Дмитриевна, доктор экономических наук, профессор кафедры демографии, Высшая школа современных социальных наук, МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: 89166130069@mail.ru; ORCID ID: [0000-0003-1304-3715](https://orcid.org/0000-0003-1304-3715); РИНЦ SPIN-код: [6059-0372](https://www.elibrary.ru/author?id=6059-0372); Web of Science Researcher ID: [H-9920-2016](https://publons.com/researcher/H-9920-2016/); Scopus Author ID: [57202602806](https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57202602806).

Субботин Александр Алексеевич, кандидат социологических наук, доцент кафедры демографии, Высшая школа современных социальных наук, МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: aasubbotin@yahoo.com; ORCID ID: [0000-0001-5016-0473](https://orcid.org/0000-0001-5016-0473); РИНЦ SPIN-код: [1124-8020](https://www.elibrary.ru/author?id=1124-8020); Web of Science Researcher ID: [AAG-6149-2021](https://publons.com/researcher/AAG-6149-2021/); Scopus Author ID: [57204652931](https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57204652931).

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 24-28-01328 «Репатриационный потенциал России в зарубежных странах: оценка масштабов».

Статья поступила в редакцию 01.10.2025; принята в печать 01.12.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

RUSSIA'S REPATRIATION POTENTIAL: AN ANALYSIS OF EXPERT ASSESSMENTS

Olga D. Vorobyova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: 89166130069@mail.ru

Alexander A. Subbotin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: aasubbotin@yahoo.com

For citation: Vorobyova, O. D., Subbotin, A. A. Russia's Repatriation potential: An Analysis of Expert Assessments. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 4. Pp. 8–24. DOI [10.19181/demis.2025.5.4.1](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.4.1). (In Russ.)

Abstract. This article presents the results of a synthesis and analysis of expert opinions on migration, obtained through a survey concerning Russia's repatriation potential. The relevance of the study is determined by demographic challenges associated with natural population decline and the need to replenish human capital, including through the attraction and return of repatriates. The study employs a novel approach to evaluating repatriation potential, based upon the classification of migrants according to categories reflecting their likelihood of return. This approach enabled the identification of distinctive features and variations in repatriation intentions, depending on the region of residence, socio-demographic characteristics, and cultural-identification factors. The findings indicate that the intentions to return are shaped by a complex set of interrelated conditions. Regardless of region, age and family configuration emerge as the key moderators: the highest repatriation potential is observed among young and middle-aged individuals, singles, and childless families. In terms of socio-economic status, the categories with the highest return potential comprise employees, students, and actively job-seeking individuals, whereas the return of entrepreneurs necessitates the creation of specific conditions. Groups weakly engaged in employment and educational channels exhibit minimal readiness for repatriation. Ethno-cultural and linguistic proximity systematically increases the likelihood of return across all regional contexts, thereby confirming the significance of cultural identity as a factor supporting repatriation intentions.

Keywords: repatriation potential, migration processes, migration potential, migration policy, return migration, compatriots, factors of repatriation, human capital

References

1. Cohen, R. *Global Diasporas: An Introduction*. London : Routledge, 2008. 240 p. ISBN 978-0-20392-894-3. DOI [10.4324/9780203928943](https://doi.org/10.4324/9780203928943).

2. Constant, A. F., Zimmermann, K. F. Diaspora Economics: New Perspectives. *International Journal of Manpower*. 2016. Vol. 37, No. 7. Pp. 1–28. DOI [10.2139/ssrn.2830927](https://doi.org/10.2139/ssrn.2830927).
3. Grishanova, A. G., Kozhevnikova, N. I. Migration Potential: Theoretical Aspects. *Population*. 2016. No. 1–1 (71–1). 2016. Pp. 42–51. EDN [VWEUGB](#). (In Russ.).
4. Vorobieva, O. D., Subbotin, A. A., Mishchuk, S. N. Main Approaches to Assessing the Scale of Settlement of Russian-Speaking Population Abroad. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2024. Vol. 17, No. 5. Pp. 219–231. DOI [10.15838/esc.2024.5.95.12](https://doi.org/10.15838/esc.2024.5.95.12).
5. Cassarino, J.-P. Theorising Return Migration: A Revisited Conceptual Approach to Return Migrants. *Journal on Multicultural Societies*. 2004. Vol. 6, No. 2. Pp. 253–279.
6. Zayonchkovskaya, Zh. A. *Rossiya: migratsiya v raznom mashtabe vremeni [Russia: Migration on Different Time Scales]*. Moscow : Adamant Publ., 1999. 68 p. (In Russ.).
7. Grishanova, A. G., Kozhevnikova, N. I., Rybakovsky, L. L. *Migratsionnyy potentsial Rossii v novom zarubezh'ye [Russia's Migration Potential in the New Abroad]*. Moscow : Ekon-Inform Publ., 2016. 183 p. ISBN 978-5-9908933-4-4. (In Russ.).
8. Rybakovsky, L. L., Savinkov, V. I., Kozhevnikova, N. I. Criteria for Migration Potential. *Scientific Review. Series 1: Economics and Law*. 2016. No. 3. Pp. 33–37. (In Russ.).
9. Rybakovsky, L. L. *Rossiya i novoye zarubezh'ye: migratsionnyy obmen i yego vliyanie na demograficheskuyu dinamiku [Russia and the New Abroad: Migration Exchange and Its Impact on Demographic Dynamics]*. 2nd ed., corrected and enlarged. Moscow : Institute of Socio-Political Research RAS Publ., 1996. 55 p. (In Russ.).
10. Iontsev, V. A. *Mezhdunarodnaya migratsiya naseleniya: teoriya i istoriya izucheniya [International Population Migration: Theory and History of Study]*. Moscow : Dialog-MSU Publ., 1999. 317 p. (In Russ.).
11. Vishnevsky, A. G. Raspad SSSR: etnicheskiye migratsii i problema diaspor [The Collapse of the USSR: Ethnic Migrations and the Problem of Diasporas]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. 2000. No. 3. Pp. 115–130. (In Russ.).
12. Ryazantsev, S. V., Pismennaya, E. E., Khramova, M. N. Return Migration of Compatriots to Russia: Is there a Migration Potential? *Population*. 2015. No. 2 (68). Pp. 64–73. (In Russ.).
13. Subbotin, A. A. Approaches to Assessing Russia's Migration Potential. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 1. Pp. 176–192. DOI [10.19181/demis.2025.5.1.11](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.11). (In Russ.).

Bio notes

Olga D. Vorobyeva, Doctor of Economic Sciences, Professor, Department of Demography, Higher School of Contemporary Social Sciences, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: 89166130069@mail.ru; ORCID ID: [0000-0003-1304-3715](https://orcid.org/0000-0003-1304-3715); RSCI SPIN-code: [6059-0372](https://rscinet.ru/author/6059-0372); Web of Science Researcher ID: [H-9920-2016](https://www.webofscience.com/authors/H-9920-2016); Scopus Author ID: [57202602806](https://www.scopus.com/author/57202602806).

Alexander A. Subbotin, Candidate of Social Sciences, Associate Professor, Department of Demography, Higher School of Contemporary Social Sciences, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: aasubbotin@yahoo.com; ORCID ID: [0000-0001-5016-0473](https://orcid.org/0000-0001-5016-0473); RSCI SPIN-code: [1124-8020](https://rscinet.ru/author/1124-8020); Web of Science Researcher ID: [AAG-6149-2021](https://www.webofscience.com/authors/AAG-6149-2021); Scopus Author ID: [57204652931](https://www.scopus.com/author/57204652931).

Acknowledgments and financing

The reported study was funded by RSF according to the research project No. [24-28-01328](https://www.rsf.ru/project/24-28-01328) "Russia's repatriation potential in foreign countries: assessing the scale".

Received on 01.10.2025; accepted for publication on 01.12.2025.

The authors have read and approved the final manuscript.